

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ
ДОКУМЕНТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА

С.Л. Фирсов

ВРЕМЯ В СУДЬБЕ

**СВЯТЕЙШИЙ
ПАТРИАРХ
МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ
СЕРГИЙ
(СТРАГОРОДСКИЙ)**

О генезисе «сергианства»
в русской церковной традиции XX века

Русская церковь в XX столетии.
Документы, воспоминания, свидетельства

Сергей Фирсов

**Время в судьбе: Святейший
Сергий, патриарх
Московский и всея Руси**

Православное издательство "Сатись"

2005

Фирсов С. Л.

Время в судьбе: Святейший Сергей, патриарх Московский и всея Руси / С. Л. Фирсов — Православное издательство "Сатись", 2005 — (Русская церковь в XX столетии. Документы, воспоминания, свидетельства)

ISBN 5-7868-0020-2

Книга посвящена исследованию вопроса о корнях «сергианства» в русской церковной традиции. Автор рассматривает его на фоне биографии Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского; 1943–1944) — одного из самых ярких и противоречивых иерархов XX столетия. При этом предлагаемая вниманию читателей книга — не биография Патриарха Сергия. С.Л. Фирсов обращается к основным вехам жизни Патриарха лишь для объяснения феномена «сергианства», понимаемого им как «новое издание» старой болезни — своего рода извращенный атеизмом «византийский грех», стремление Православной Церкви найти себе место в политической структуре государства и, одновременно, стремление государства оказывать влияние на ход внутрицерковных дел. Книга адресована всем, кто интересуется историей Русской Православной Церкви, вопросами взаимоотношений Церкви и государства.

ISBN 5-7868-0020-2

© Фирсов С. Л., 2005

© Православное издательство
"Сатись", 2005

Содержание

Предисловие ко второму изданию	7
От автора	8
I	10
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Фирсов
Время в судьбе: Святейший Сергей,
патриарх Московский и всяя Руси
(к вопросу о генезисе «сергианства»
в русской церковной традиции XX века)

По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА

11/24 декабря, 2002 г.

Д.и.н. С.Л. Фирсову г. С.-Петербург, Россия

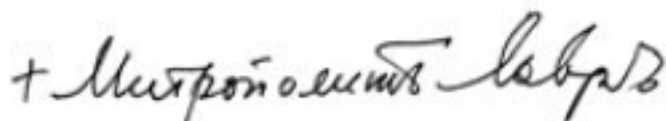
Милостивый Государь Сергей Львович.

Один из участников проходившей в Москве, в ноябре 2002 г., конференции по истории Русской Православной Церкви в XX веке, передал мне экземпляр Вашей монографии «Церковь накануне перемен». После знакомства с Вашим трудом я пожелал написать Вам, чтобы выразить свою признательность и поддержку в Вашей научной работе. Искренне надеюсь, что ее результатом явятся новые исследования, точно показывающие причины возникновения

исторических процессов в истории России и Церкви в XX столетии, а также их последствия. Также надеюсь, что Вам удастся осуществить второе издание «Время в судьбе: Святейший Патриарх Сергей...»

Приветствую Вас с Рождеством Христовым и новолетием.

Ваш искренний доброжелатель

Handwritten signature in cursive script, reading: + Митрополит Лавр

Митрополит Лавр Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей.

В декабре 2002 г. автор получил письмо Владыки Лавра, Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей, в котором выражалась надежда на то, что удастся опубликовать второе издание книги «Время в судьбе...». Ныне это пожелание исполняется. Текст существенно дополнен и исправлен. Искренне уповаю на то, что настоящая книга будет служить делу нахождения исторической правды о событиях, интерпретация которых долгие годы в силу различных причин оказывалась идеологически ангажированной.

С. Фирсов апрель 2005 г.

Предисловие ко второму изданию

Второе издание представляемой на суд читателей книги выходит через шесть лет после появления первого. За это сравнительно короткое время с книгой сумели познакомиться специалисты, что для меня, безусловно, очень приятно и важно. Во-первых, как знак внимания к проделанной работе и, во-вторых, потому, что результаты «знакомства» регулярно доводились до моего сведения – как посредством писем и частных бесед, так и с помощью рецензий. Результатом этого обсуждения и стала подготовка мной второго издания (тем более, что первое вышло весьма незначительным тиражом – 100 экземпляров, и в продажу почти не поступало). Внимательные коллеги остановились не только на принципиальных вопросах, затронутых в работе, но также указали на опечатки и фактологические неточности. Всем им хотелось бы выразить искреннюю благодарность.

Объять необъятное, понятно, невозможно. Поэтому я не стал превращать обзор в нечто большее. Моя задача скромна – лишь означить вопрос о генезисе «сергианства», по возможности четко сформулировать его, не претендуя на окончательное решение. (К тому же мне кажется, что такое решение вряд ли когда-либо будет найдено). События, происходящие в Русской Православной Церкви сегодня, показывают, как трудно Церкви отказаться от государственной поддержки, тем более, если государство перестало быть атеистическим и всячески стремится наладить «конструктивные» отношения с теми, кого много десятилетий подряд пытались поставить в положение социальных париев.

Впрочем, что было, то было. Обвинять государство в лицемерии у нас повода пока нет и, надеемся, не будет. Но, думается, дело заключается вовсе не в том, что результатом нового «сладкого плена» могут оказаться прежние «горькие плоды». Проблема в ином: психологическая зависимость иерархии и клира от «властей предержащих» год от года только усиливается, миф о воссоздании «идеальных» церковно-государственных отношений, подразумевающих рост опосредованного влияния Церкви на светскую власть, приобретает своих адептов не только в маргинальной среде, но и в среде вполне респектабельных «новых православных», уверенных в благотворности союза Церкви с нынешней «богоискательской» властью и нередко встречающих сочувствие у православных иерархов и иереев. Страшные примеры новейшей российской истории XX века порой просто игнорируются.

...В политической структуре государства Церковь может найти место, но стоит ли его искать? Ведь светские власти относятся к религии преимущественно прагматически, конъюнктурно, а конъюнктура, как известно, время от времени меняется... Все это стоит помнить, хотя бы иногда задумываясь о явлении, получившем название по имени Патриарха Сергия...

Апрель 2005 года.

ОТ автора

*Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог
воззовет прошедшее
Еккл. 3,15.*

15 мая 2004 г. исполнилось 60 лет со дня смерти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (И. Н. Страгородского), одного из самых пререкаемых иерархов Русской Православной Церкви. Его имя, без сомнения, – символ той непростой эпохи и (как любой символ) не только и не столько характеризует саму личность Патриарха, сколько мешает ее восприятию. Одни его считают «спасителем» институциональной Церкви, сумевшим отстоять ее существование в годину лихолетья, другие – раскольником, узурпатором церковной власти, основателем «ереси сергианства».

Как мне представляется, подобные характеристики, претендующие на окончательность выводов, изначально опрометчивы. И критики, и апологеты, порой сами того не замечая, смешивают результаты действий личности и саму эту личность. Ничего удивительного в этом нет: «познавшие истину», как правило, стараются доказать ее непререкаемость другим, не задаваясь целью спокойно разобраться в существе предмета.

Понимая это и не имея претензии расставить все точки над «i» в столь сложном и запутанном деле, несколько лет тому назад я решил составить антологию, в которой были бы собраны, помимо некоторых сочинений самого Патриарха Сергия, отзывы его современников и историков, оценивающих деятельность Патриарха с различных позиций – как pro, так и contra. Однако обстоятельства сложились так, что почти готовая работа не увидела свет. Оказались неустраиваемыми соединенные под единой обложкой мнения друзей Патриарха и его непримиримых врагов, претендовавшие на ученую респектабельность статьи светских исследователей и страстные суждения публицистов¹.

Настоящая работа выросла из вступительной статьи, предварявшей подготовленную антологию. Это обстоятельство необходимо особо подчеркнуть: фактологические материалы должны были «дополнять» и иллюстрировать мою статью, в которой многие вопросы лишь ставились, а не разрешались. Впрочем, существенным образом переработав и дополнив прежний текст, я и сейчас остался при старом убеждении: правильная постановка вопроса значит гораздо больше, чем предложенный вариант ответа.

Именно поэтому, не теряя надежды на издание антологии в будущем, я решил ограничиться небольшой аналитической работой, в которой предпринял попытку рассмотреть вопрос о генезисе «сергианства» через призму личности его основателя. И хотя отсутствие «вспомогательных материалов» несколько осложняет задачу, нельзя не отметить и существенный положительный момент: возможность проведения самостоятельного, не привязанного к «обслуживанию» антологии, исследования.

Для меня совершенно ясно, что подобная работа не может претендовать на беспристрастность: вести разговор о выдающемся человеке (вне зависимости от твоей к нему симпатии или антипатии) – значит всегда занимать субъективную позицию. Правда, при этом я старался неукоснительно придерживаться жесткого правила: изучать проблему в ее развитии, не распространяя современные представления на прошлое и стремясь разобраться в мотивации пред-

¹ В «Приложении» к первому изданию книги я поместил краткий обзор материалов, составляющих корпус подготовленной антологии о Патриархе Сергии. Ныне я решил изъять это «Приложение», поскольку увидел, что, никак не связанное с основным текстом, оно лишь «утяжеляет» книгу, разясняя читателям подробности несостоявшегося замысла автора.

принимавшихся Патриархом Сергием и его современниками действий, а не в их (действий) этической оценке.

Изучая новейшую отечественную историю, часто приходишь в недоумение, сталкиваясь с работами, где используемый материал лишь служит необходимым подспорьем для доказательства изначально установленной автором истины, а вывод понятен уже по прочтении первой страницы введения. Для советских исследователей подобная манера, по понятным идеологическим соображениям, стала буквально их *alter ego*. Старая выучка, к сожалению, порой дает себя знать и сегодня, – сменилась лишь знаковая система (хотя и не всегда). Сказанное особенно относится к русской церковной истории советского периода.

Старая схема была предельно проста и понятна: первоначально монархическая Церковь не признала новой народной власти и стала одним из центров контрреволюции. Затем, осознав всю бесперспективность совершаемого, некогда «реакционные» церковники заявили о своей лояльности к Советам. По словам рапсода этой лживой схемы – Н.С. Гордиенко, «митрополит Сергий, придя к руководству Церковью, намеревался довести до логического завершения ее социально-политическую переориентацию, начатую Патриархом Тихоном вслед за обновлениями и по их примеру (*sic!* – С.Ф.), – переориентацию, призванную предотвратить распад данной религиозно-церковной структуры»².

Не требуется особых знаний, чтобы понять всю натянутость приведенного заключения. Сложная проблема вульгаризирована и только. Разумеется, при появлении первой же возможности все серьезные исследователи отказались от такой схемы. Понятно, что за границей ученые никогда **так и под таким углом** и не рассматривали перипетии государственно-церковных отношений, но это за границей. В нашей стране интерес к историко-церковному прошлому первых лет Советской власти привел не только к появлению глубоких исследований, но и к повторению прежней, «советской» ошибки – изначально предопределенности выводов. Вульгарный подход, к счастью, ушел в прошлое, но подход «схематический», к сожалению, остался. Причем в этом отношении более всего страдает именно эпоха митрополита (затем Патриарха) Сергия. Для одних он, как и раньше, – преемник линии Патриарха Тихона, мудрый кормчий церковного корабля, добровольно взваливший на себя крест компромисса с безбожниками. Для других – предатель церковного дела. Я не возьму на себя смелость сказать, что правда в этом споре лежит где-то «посередине». Нельзя также, вслед за восточным мудрецом, утверждать, что все понять – это все простить. Дело не в арбитраже, а в методе исторического исследования. Ведь не все, сказанное советскими атеистами, было изначально ложным. Например, заявление Н.С. Гордиенко о намерении Сергия довести до логического конца социально-политическую переориентацию Православной Церкви совершенно справедливо, хотя и передернуто: это намерение призвано было предотвратить вполне возможный организационный распад Церкви, но никак не ее самораспад. Кроме того, некорректна и оценка автором роли Патриарха Тихона.

Следовательно, проблема заключается в том, чтобы наши идеологические (или этические, если угодно) оценки не мешали нам разобраться в сложной исторической драме. Правильная постановка этой проблемы, конечно же, вовсе не гарантирует еще полного ее разрешения в конкретном исследовании. Однако, не желая отказаться от предварительных суждений и стремясь любыми способами решить поставленную задачу (не всегда слишком сложную), мы оказываемся в незавидном положении «идеологических работников», неважно – обвинителей или адвокатов.

² Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л., 1987. С. 48.

I

Вспоминая на закате своих дней тех современников, с которыми свела его жизнь, граф С.Ю. Витте как-то обмолвился, что человек – крайне сложное существо, которое определить не только фразой, но и целыми страницами достаточно трудно. «Нет такого негодяя, – писал он, – который когда-нибудь не помыслил и даже не сделал чего-либо хорошего. Нет также такого честнейшего и благороднейшего человека (конечно, не святого), который когда-либо дурно не помыслил и даже при известном стечении обстоятельств не сделал гадости. Нет также и дурака, который когда-либо не сказал и даже не сделал чего-либо умного и нет такого умного, который когда-либо не сказал и не сделал чего-либо глупого. Чтобы определить человека, – выводил из всего сказанного Витте, – надо писать роман его жизни, а потому всякое определение человека – это только штрихи, в отдаленной степени определяющие его фигуру».

Суд современников обычно скоропалителен и несправедлив. Действительно, – «большое видится на расстоянии». Чем значительнее личность, тем сложнее о ней судить. И дело вовсе не в том, что современники излишне «субъективны» и «пристрастны» – гораздо хуже, когда в том же можно обвинить потомков. Они, имея в качестве союзника опыт прошедших лет, зачастую впадают в «соблазн» уверить прежде всего себя в собственной объективности и беспристрастности, наивно полагая, что право на оценку им дало время, что они, отделенные от предмета своих изысканий десятилетиями и столетиями, уже в силу этого беспристрастны. Впрочем, есть одно исключение: если исследователь заранее знает, что он должен доказать, каким своего «героя» он должен представить читающей публике; иначе говоря, когда выполняется «социальный заказ». К сожалению, каждое время требует исполнения своего «социального заказа», имеет претензии на своих героев. Стремление во что бы то ни стало доказать (т. е. нарисовать объективную картину), как правило, не дает возможности исследователю осознать, что подобное принципиально невозможно, что понять мотивацию поступков другого – тем более великого – человека возможно, лишь разобравшись в собственных субъективных переживаниях, связанных с изучаемой эпохой. Если ученый отдает себе в этом отчет, он, обычно, с успехом выполняет поставленную задачу «реконструкции» прошлого, умело помещая в нем исторические персонажи. Если же это не получается, вместо исследования выходит историческая справка с заранее предопределенными выводами и заключениями.

Но вернемся к современникам. Оценивать выдающуюся личность им в каком-то смысле проще, чем последующим поколениям. Современники видят мелочи (или то, что таковыми считается), обращают на них пристальное внимание и, зачастую, через призму этих мелочей смотрят на героев своего времени. А у каждого времени, как известно, они свои. Современника может в выдающемся человеке оскорблять то, что потомков будет в нем восхищать, и наоборот. Поэтому, думается, *почувствовать* — в истории значит не меньше, чем *понять*. Это тем более относится к религиозным деятелям, в жизни которых иррациональное начало всегда играло исключительную роль. Получается странное (на первый взгляд) сочетание: рациональное, закономерное, по возможности последовательное (без чего реальная политика не мыслима) сочетается у крупного религиозного деятеля с верой в Промысл Божий, в невозможность до конца постигнуть Божественные предначертания. Все это в полной мере мы можем наблюдать, изучая жизнь и деятельность одного из самых известных русских православных иерархов XX столетия Патриарха Сергия (И.Н. Страгородского; 1867–1944).

Характерным признаком метафизических истин, состоящих из тезы и антитезы, является противоречивость. Противоречивость свойственна также и религиозно-философским исканиям. Исследователь и биограф творчества В.В. Розанова Э. Голлербах, обративший на это внимание, характеризуя отношения своего героя к Льву Толстому, привел слова последнего, записанные М. Горьким: «Так называемые великие люди всегда страшно противоречивы. Это

им прощается вместе со всякой другой глупостью. Хотя противоречие не глупость: дурак упрям, но противоречить не умеет»³. Я решил привести эти слова именно потому, что они, по моему убеждению, могут относиться и к Патриарху Сергию, вся жизнь которого являет собой пример непрерывной цепи противоречий и вопиющих поступков, вызывавших к названному иерарху достаточно противоречивые чувства. Антиномии Патриарха Сергия, наблюдаемые в течение всей его жизни, – и до революции 1917 г., и в чудовищные для Церкви и для него лично годы Советской власти, не должны рассматриваться только как иллюстрация личной слабости Патриарха, его исключительной «приземленностиTM». Вероятно, можно говорить о том, что его противоречивость в определенном смысле является отражением более глубоких противоречий, в тисках которых более двух с половиной столетий и находилась Православная Российская Церковь.

Человек – дитя своего времени, вне временного контекста мы ничего не поймем ни в нем самом, ни в побудительных причинах принятых им решений и сказанных им слов. Время – тот фон, на котором только и можно увидеть подлинное лицо человека, узнать, что вызывало его страхи, что питало его оптимизм...

³ Голлербах Э., В.В. Розанов. Жизнь и творчество. Париж, 1976. С.25.

II

Святейший Патриарх Московский и всяя Руси Сергей (Страгородский) родился в священнической семье: и отец, и дед, и прадед у него были священнослужителями. Именно происхождение во многом определило (или даже предопределило) этапы первых его жизненных шагов: духовное училище, Семинария, а затем и Академия. Он мог выбирать только одно: в каком качестве он будет служить Богу: в качестве белого иерея или же монахом. Иван Страгородский выбрал последнее⁴.

Душа человека – потемки, трудно сказать, что заставило 23-летнего юношу надеть черный клобук и навсегда отречься от «мира». Одно останется несомненным – с того времени и до своей смерти «ученый монах» Сергей целиком и полностью – на службе Церкви, его жизнь не отделима от официальных церковных институтов. Карьера развивалась стремительно. После недолгого служения в Японской Православной духовной миссии и судовым священником на корабле «Память Азова» он назначается исполняющим должность доцента по кафедре Священного Писания Ветхого Завета в столичную Духовную Академию, откуда вскоре переводится в Москву (тоже в Академию), но уже инспектором.

В 27 лет Сергей – архимандрит и настоятель русской посольской церкви в Афинах. Ничто не задерживает его стремительного подъема по ступеням служебной лестницы: в 1895 г. он – магистр богословия⁵, через два года – помощник начальника Японской миссии, где в 1890 г. начинал свое служение рядовым иеромонахом. Наконец, с 1899 г. архимандрит Сергей окончательно утверждается в столице. Вначале ректором семинарии, затем (ненадолго) инспектором Академии, а с 25 января 1901 г. – уже и ректором. Через месяц Сергей стал епископом. Одиннадцать лет потребовалось ему, чтобы пройти все ступени церковной иерархической лестницы, получить ученую степень и должность ректора Академии, на которую как правило назначались перспективные «ученые монахи».

Разумеется, все это говорит о недюжинных способностях Сергея, о его энергии, воле и уме. В 34 года стать архиереем – такое в синодальный период русской церковной истории случалось нечасто. Помимо «дарований» он должен был понравиться начальству – от Петербургского митрополита Антония (Вадковского) до Обер-Прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева включительно. Есть все основания предполагать, что молодой епископ прекрасно разбирался во всех тонкостях «церковной политики», понимал, где и что необходимо сказать, с кем и почему стоит иметь хорошие отношения, а с кем – не стоит. Все это сочеталось у архим. Сергея с искренней, почти детской верой, глубочайшей религиозностью и убеждением в необходимости проведения давно назревших церковных преобразований.

Неслучайно, что уже осенью 1901 г., когда начались заседания Религиозно-философских собраний, он стал их председателем, участвуя в дискуссиях с отечественными интеллигентами-богоискателями⁶. С другой стороны, он искренне верил в глубокую религиозность рус-

⁴ Подробно ознакомиться с вехами дореволюционной биографии Сергея можно, прочитав курсовое сочинение выпускника Ленинградской Духовной Академии Ф. О. Дунина «Патриарх Сергей (Страгородский) и его церковная деятельность до созыва Поместного Собора 1917–1918 гг.» (Л.: ЛДА, 1986. Машинопись). Работа Ф.О. Дунина – яркая иллюстрация формального подхода к исследуемому материалу. Его цель – не слишком углубляясь в существо вопроса, «отделаться» лишь изложением фактов. В этой работе очевидно отсутствие аналитического начала. Она, скорее, преследует не научные, а «идеологические» цели, подводя «фундамент» под будущую, уже советскую, деятельность Патриарха Сергея.

⁵ Темой магистерской диссертации архимандрита Сергея было православное учение о спасении. В 1895 г. молодой ученый выпустил по этой теме книгу, в дальнейшем неоднократно переиздававшуюся (до 1917 г. вышло 4 издания). По словам протоиерея Георгия Флоровского, «Сергий ставил себе задачей богословствовать из опыта, из опыта духовной жизни. И в этом значительность его книги. Очень важно и принципиальное возвращение к учению отцов». (Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 438).

⁶ Об этой странице биографии владыки см. приложение в конце книги: «Епископ Сергей (Страгородский) как председа-

ского народа, в возможность появления в его среде «народных старцев». Неслучайно поэтому он поверил викарию Казанского архиепископа Хрисанфу (Щетковскому), пославшего ему с рекомендательным письмом мало кому тогда (в 1903 г.) известного Григория Распутина. Именно епископ Сергей привел сибирского странника к архимандриту Феофану (Быстрову), который и познакомил со «старцем» высший свет.⁷ О дальнейших связях будущего Патриарха с «собинным царским другом» нам почти ничего неизвестно. Можно только сказать, что знакомство их продолжалось достаточно долго: епископ Сергей, как, впрочем, и архимандрит Феофан, в течение ряда лет считал Гр. Распутина «старцем», оказывая ему всяческие знаки внимания. Если верить воспоминаниям иеромонаха Илиодора (Сергея Труфанова), Распутин еще в 1909 г. останавливался в покоях Владыки Сергея.

Рассказывая о том, как он улаживал свои дела, связанные с возвращением в Царицын (откуда за постоянные столкновения с властями был переведен в Минск), бывший иеромонах вспоминал, как, узнав о пребывании Распутина в покоях архиепископа Сергея, позвонил на квартиру последнего. «По телефону говорил сам Сергей, – сообщал читателям Илиодор. – На мой вопрос: “Можно ли видеть Григория Ефимовича?” он ответил: “Они почивают”. Эти слова меня немало озадачили. “Вот штука, так штука – Распутин; такие важные сановники, как Сергей, выражаются о нем с таким почтением: они почивают!” – думал я»⁸.

Стоит напомнить, что к тому времени Владыка Сергей являлся архиепископом Финляндским и уже назначался к присутствию в Святейший Синод. Невозможно представить, чтобы Сергей в то время не понимал роли и значения «старца», слухи о похождениях которого еще не были оглашены прессой. Архиепископа Финляндского нельзя считать такой же «наивной душой», как Феофана (Быстрова) – Сергей всей своей карьерой доказал, что он весьма прагматичен и «политичен». Именно это обстоятельство, как мне представляется, и явилось залогом столь успешной его карьеры. Он прекрасно разбирался в направлении политических «ветров», что, собственно, и позволило ему с конца прошлого столетия подниматься по ступеням церковно-административной лестницы, не покидая столицы.

Доказательством сказанного выше может служить и его назначение в Финляндию с автоматическим возведением в сан архиепископа (6 октября 1905 г. – еще при Победоносцеве), тем более, что назначение на Финляндскую и Выборгскую кафедру тогда считалось доказательством исключительного расположения к архиепископу светских властей.

К слову сказать, вспоминая в 1911 г. историю «финляндского назначения» 1905 г., архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) – бывший учитель и покровитель Сергея, заявил, что в марте того года «Св. Синод избрал на Финляндскую кафедру преосвященного Тихона [Беллавина – С.Ф.], епископа Американского, но в следующем заседании было заявлено предложение Обер-Прокурора о необходимости преосвященного Тихона для Америки, и назначение в Финляндию последовало иное»⁹. Владыка Антоний не стал уточнять, почему в марте 1905 г. Св. Синод не учитывал необходимости для Америки епископа Тихона, а в дальнейшем – «прозрел», согласившись с предложением Обер-Прокурора, но для знавших синодальную систему сказанного было вполне достаточно, чтобы понять: К.П. Победоносцев «имел виды» именно на епископа Сергея. Парадоксально, но именно старый Обер-Прокурор Св. Синода, идеолог и апологет петровской церковной реформы, помог будущему Патриарху, по

тель *Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге*» (доклад автора, прочитанный на конференции 2001 г. «К 100-летию начала Петербургских Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг.», состоявшейся в Государственном музее истории религии).

⁷ См.: Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 159.

⁸ Илиодор, бывш. иер. (Сергей Труфанов). Святой чорт. (Записки о Распутине). М., 1917. С. 12.

⁹ Антоний, архиеп. Восстановление патриаршества // Русский Инок. 1912. № 7. (Приложение). С. 13.

многим внутрицерковным вопросам принципиально несогласным с мнениями своего покровителя, войти в «большую» церковную политику.

Победоносцев умел разбираться в людях: в епископе Сергии он увидел блестящего церковного администратора, человека целеустремленного и сильного. При этом Владыка Сергий умел не ссориться с властями, находить контакты с богоискательски настроенной интеллигенцией¹⁰, избегать крайностей «правого» и «левого» толков в своих заявлениях и статьях. К тому же он был прекрасно образованным богословом, человеком эрудированным и начитанным.

Доказательством этого могут служить ответы на вопрос о насущных церковных преобразованиях, которые он дал Св. Синоду в самом начале 1906 г. История этого опроса была достаточно проста. Весной 1905 г. Победоносцев оказался в состоянии настоящей войны с первенствующим членом Св. Синода митрополитом Антонием. Архиерей откликнулся на приглашение председателя Комитета Министров С.Ю. Витте и принял участие в совещании, которое рассматривало вопрос о религиозных свободах. Митрополит Антоний вполне резонно указал, что в случае дарования религиозных прав инославным Православная Церковь окажется в сложном положении, связанная по рукам и ногам государственной опекой. Таким образом, совещание вышло и на вопрос о положении Церкви. Взбешенный, Обер-Прокурор приложил максимум усилий, чтобы изъять дело из Комитета Министров и передать в Св. Синод. Это ему удалось. Но и Синод «изменил» Победоносцеву, проявив удивительную инициативу и обратившись к Николаю II с всеподданнейшим докладом, в котором заявлялось о необходимости созыва Собора. Сумев «остановить поток» и на этот раз, Обер-Прокурор, влияние которого в первой половине 1905 г. катастрофически падало, решился на последнюю меру: противопоставить «взбунтовавшийся» в полном составе Св. Синод епископскому корпусу.

28 июня Св. Синод рассмотрел предложение Победоносцева «о необходимости подготовительных работ по вопросам, предложенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви». Предполагалось обсудить вопросы о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов, о преобразовании церковного управления и суда, о приходе, об усовершенствовании духовных школ, о порядке приобретения церковной собственности, о епархиальных съездах, об участии священнослужителей в общественных организациях и о предметах веры.

Перечислив вопросы, Св. Синод указал на необходимость ознакомления с ними епархиальных преосвященных, тем более что и Поместный Собор должен иметь перед собой необходимый «для суждения» материал – «разработанный и приведенный в систему». Епископы должны были, взяв себе компетентных помощников, не позднее 1 декабря 1905 г. представить Св. Синоду свои соображения. Епископы к указанному сроку не уложились (последний отзыв датирован 1 марта 1906 г.), но, тем не менее, ответы представили. Для Победоносцева, если бы он продолжал оставаться на своем посту, это была бы катастрофа: практически все архиереи высказывались за созыв Собора и избрание Патриарха.

Среди этих епископов был, разумеется, и архиепископ Сергий (Страгородский). Составляя свой отзыв, он шел много дальше своих собратьев-архиереев, часто предлагая нестандартные решения самых сложных церковных проблем. Сергий-теоретик интересен еще и потому, что известность он получил в основном как «практик», управлявший русским церковным кораблем в годы воинствующего безбожия, когда ни о каких реформах нельзя было даже меч-

¹⁰ Даже едкая З.Н. Гиппиус, вскоре после знакомства с епископом Сергием (в 1902 г., на заседаниях Религиозно-философских собраний) назвавшая его тихим, малокультурным полубуддистом (*Гиппиус З., Мережковский Д. // Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 226*), не могла отрицать (правда, уже в 1920-е гг.), что в гостях у него, в Лавре, куда богоискатели ее круга изредка заходили, «было приятно: большие, пустые залы с таким полом скользким и светлым – хоть смотришь в него, с рядами архиерейских портретов по стенам. Чай пили в столовой за длинным столом. Вкусный чай: сколько сортов всяких варений, а подавали тоненькие черненькие послушники» (*Она же. Задумчивый странник. О Розанове // Там же. С. 101*).

тать. Впрочем, не стоит забывать также и о том, что на момент написания своего отзыва Владыка Сергей был сравнительно молодым человеком и совсем молодым архиереем (с 1901 г.). И все же...

По мнению архиепископа, Поместный Собор лучше всего было собрать в менее значительном, чем С.-Петербург или Москва, городе. Лучше всего – в Новгороде. Первым делом Собора должно было стать упразднение Св. Синода как высшего правительства Православной Церкви и провозглашение таковым Поместного Собора. Избрание Патриарха, писал он, должно стать завершением соборных заседаний. В дальнейшем предлагалось созывать Поместный Собор как можно чаще, ибо именно он постепенно давал бы силу закону изменениям «в церковном строе, по мере выяснения их необходимости и пригодности»¹¹.

Владыка Сергей был сторонником выборного духовенства, но полагал, что «сейчас» это – «праздное мечтание». Судя по отзывам, нельзя признать его и сторонником епископского абсолютизма: Владыка, писал он, должен разделить свою контролирующую и отчасти административную власть с епархиальным съездом, постановления которого своей властью утверждает. Архиерей при обновленном церковном строе утверждал бы и приговоры церковного суда с правом апелляции в вышестоящие инстанции, имел бы последний (решающий) голос при избрании кандидатов священства.

Сторонник децентрализации церковного управления, Архиепископ Сергей заявлял о необходимости разделения России на 12 митрополичьих округов (в Новгороде /если Патриарх будет в С.-Петербурге/, в Вильне, в Вологде, в Москве /если Патриарх будет в первопрестольной, то в Твери/, в Казани, во Владимире, в Новочеркасске, в Киеве, в Харькове, в Тобольске, в Иркутске и в Грузии). «Митрополит избирается собором епископов области, – писал он, – причем, по общему правилу, заслушивается и голос митрополитанской епархии; утверждается же избрание Патриархом и его Священным Синодом»¹². Писал Владыка Сергей и об избрании епископа, который должен избираться собором архиереев в присутствии митрополита округа и при свидетельстве клира и народа.

Отдельно расписывал он и избрание Патриарха. Всероссийский Собор для этого должен был разделиться на две палаты: верхнюю (святительский Собор) и нижнюю (Собор представителей от епархий, а также клирики и миряне). Вторая палата составляет свой список кандидатов, который рассматривается святительским собором. Последний имеет право дополнять и урезать этот список. Последняя инстанция – Государь, который утверждает его. Затем порознь, закрытым голосованием, обе палаты избирают по одному кандидату, после чего представитель Государя, в храме, где все собрались, пишет на одинаковых билетах три имени: имена кандидатов от двух палат и личную кандидатуру Императора. Все три имени могут совпадать. Все решает жребий. Высшим законодателем и судьей Русской Церкви, по мнению Сергея, безусловно является Собор, собираемый не реже одного раза в пять лет, по мере надобности.

Отношения Церкви и Ее Верховного Ктитора, полагал архиепископ, «должны быть такими, каких требует самое существо дела, т. е. отношениями верного сына к своей духовной матери, должны характеризоваться подчинением Ее канонам и преданию, уважением к Ее голосу и Ее свободе и доброжелательным покровительством и защитой в Ее внешнем положении и деятельности»¹³.

Как уже говорилось, Сергей был «ученым монахом» и в 1901 г. был назначен ректором столичной Духовной Академии. Поэтому вопрос о состоянии духовных школ был ему близок и понятен. В своем отзыве он специально рассмотрел его, присоединившись к мнению епископа Волынского Антония (Храповицкого), предлагавшего выделить для пастырской школы

¹¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Ч. III. С. 262.

¹² Там же. С. 266.

¹³ Там же. С. 271.

все четыре высших класса Семинарии и оставить для общеобразовательной (преимущественно сословной) училище и два низших класса Семинарии (так называемая шестиклассная прогимназия). Владыка Сергей полагал, что для подготовки пастырей необходимо открыть специальные богословские Семинарии, куда принимали бы всех желающих православных, окончивших средние учебные заведения, без различия сословий.

Относительно будущего духовных Академий архиепископ придерживался «либеральных» (по тем временам) воззрений, указывая, что и в ученой, и в учебной их деятельности должны господствовать принципы полной автономии. В административном отношении, в случае проведения общей реформы, Академии должны подчиняться непосредственно Патриарху со Священным Синодом. Но все это говорилось лишь под условием занятия ректорской должности епископом.

Высказывался Сергей и о возможных сроках созыва Собора: по его мнению, следовало немедленно «пригласить епархии приступить к выборам представителей, чтобы после Пасхи или в неделю свв. отец (день, указываемый канонами, а кстати и 10-летие коронации) назначить открытие столь давножданного Всероссийского Поместного Собора»¹⁴. Составить же этот Собор, собираемый для преобразования и отмены синодальной системы церковного управления, должны были несколько категорий делегатов.

Во-первых, епархиальные архиереи, к которым, по приглашению Св. Синода, утвержденному на Соборе, присоединяются и некоторые из викарных. Во-вторых, два протопресвитера (военного и придворного духовенства). В-третьих, представители от епархий (по четыре человека). И, в четвертых, выдающиеся профессора канонического права и церковной истории (по особому приглашению). Все эти делегаты, считал Владыка Сергей, должны иметь решающий голос. Другая категория – лица, которые прибудут на Собор по собственному желанию: заштатные и викарные епископы, представители других автокефальных Церквей, духовенство и миряне.

Считая сословность одним из бичей духовной жизни, архиепископ предлагал решительно отказаться от мысли считать духовенство особой, отдельной от мирян, корпорацией, имеющей специфические (отличные от общецерковных) интересы. «Если ячейкой церковного тела у нас считается приход и далее епархия, – писал он, – пусть они, а не разные чины Церкви и посылают своих представителей, причем этими представителями могут быть безразлично и клирики, и миряне»¹⁵. Для человека, выросшего и сформировавшегося в «клерикальной» среде, предки которого в течение многих десятилетий (и даже столетий) были священниками, сделать такое заявление значило отказаться от сословного эгоизма, указав, что в Церкви нет и не может быть места каким-либо привилегиям для «колена левитов».

На Соборах, полагал архиепископ Сергей, и должны, сроком на пять лет, избираться члены Св. Синода. Только треть состава, писал архиепископ, могут получить архиереи, другую треть – представители белого духовенства и последнюю – миряне. Митрополитам церковных округов для обсуждения и удовлетворения нужд округа предлагалось предоставить право созывать областные соборы. Орган епархиального управления виделся автору отзыва состоящим из пресвитерского совета, также избираемого на 5-летний срок на местных (епархиальных) соборах. В свою очередь, епархиальные соборы должны состоять из выборных от духовенства и мирян (поровну) и созываться каждые три года.

Такая схема не могла не предусмотреть и дарования приходу прав юридического лица по приобретению движимого и недвижимого имущества, права контроля над церковными суммами и отчасти права распоряжения ими. Показательно, что среди внесенных архиепископом Финляндским предложений было предложение обсудить на будущем Соборе и вопрос об упро-

¹⁴ Там же. С. 276.

¹⁵ Там же. С. 288.

щении богослужебного славянского языка и о предоставлении права, где того пожелает приход, совершать богослужение на родном языке!

Приход, по его мнению, должен был получить право ходатайствовать за избранного кандидата в члены клира, избирать которого должен был пресвитерский совет, а утверждать – архиерей. Правда, схема могла действовать лишь при соблюдении некоторых условий: прохождение кандидатом условий образовательного ценза и возраст (будущий священник не мог рукополагаться ранее 30-летнего возраста).

Для улучшения материального содержания клириков заявлялось о необходимости, в добавление к местным средствам, выплачивать приличное казенное жалование: в селе – не менее 1200 рублей – священникам, 1000 рублей – диаконам и 800 рублей псаломщикам. Все это, считая доход от земли, кружечный доход и казенное жалование.

Касаясь отношений Церкви с «миром», Сергей показывал себя сторонником возможно более тесных контактов. «Что касается права участия духовенства в общественных и гражданских учреждениях, – говорил он, – то таковое должно быть ему предоставлено, как одно из средств для проведения христианских начал в жизнь»¹⁶. Заботой о «христианских началах» вызывался и призыв уничтожить тюрьмы духовного ведомства. Архиепископ предлагал даже предоставить духовенству право на окраинах Империи, где православные были в меньшинстве, во избежание неприятностей носить светскую одежду.

Но и это не было самым радикальным предложением. Владыка Сергей считал возможным и правильным обсуждение предоставления каждой епархии права избирать себе епископа. При этом епископами могли бы быть и лица белого духовенства, без принятия монашеского сана, например: овдовевшие иереи или же оставившие своих жен по добровольному с ними соглашению! Кроме того, Владыка поддерживал право вдовых священников вступать во второй брак (правда, если они овдовели до 45 лет). Эти радикальные предложения чем-то отдаленно напоминают «революционные» реформы обновленцев 1920-х гг., хотя мотивация их идеологов была полностью противоположна Сергиевской: Владыка был противником любых, тем более церковных, революций.

Прежде всего Владыка старался найти компромисс. Видимо, этим и можно объяснить тот факт, что после провала идеи церковного реформаторства в 1905–1907 гг. Сергей не воспринимался русскими консерваторами как «левый» архиерей (в отличие, скажем, от митрополита Антония (Вадковского)), ничего не претерпев «по службе». В целом же, умение добиваться поставленной цели, идти *per aspera ad astra* отличало Сергия во все периоды его жизни.

Уже после отставки Победоносцева он сумел настолько укрепиться, что с 1911 г. (и как оказалось – вплоть до 1917-го) состоял членом Святейшего Синода, фактически являясь одним из реальных руководителей Русской Церкви. Его ценили обер-прокуроры, он имел возможность влиять (разумеется, косвенно) на архиерейские назначения. К примеру, именно архиепископ Сергей, а не кто-либо другой предложил депутату III Государственной Думы Холмскому архиерею Евлогию (Георгиевскому), деятельность которого полностью удовлетворяла тогда ведомство православного исповедания, перебраться «в другую, более спокойную и удобную епархию» – на Симферопольскую кафедру: по мнению Владыки Сергия, равно как и по мнению занимавшего тогда пост Обер-Прокурора Св. Синода В. К. Саблера, несомненными преимуществами названной кафедры являлись не только прекрасный климат и природа, но и «частые посещения Крыма Царской Семейей»¹⁷.

Об отношениях Сергия с Царской Семейей (прежде всего с Николаем II) судить достаточно трудно – явно недостаточно источников, однако награды, полученные Финляндским

¹⁶ Там же. С. 443.

¹⁷ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 211.

архиепископом от Верховного Ктитора Церкви, очевидно, могут служить знаками монаршей милости к архиерею. Показательно, что и назначение членом Св. Синода, и награждение бриллиантовым крестом для ношения на клобуке (в 1912 г.), и награждение орденом Св. Александра Невского (в 1915 г.) пришлось на 6 мая – день рождения Государя.

Впрочем, белый митрополичий клобук до 1917 г. он так и не получил, хотя *формальная* возможность для этого была: после смерти в ноябре 1912 г. столичного архиерея Антония (Вадковского), ближайшим соратником которого архиепископ Сергей был на протяжении многих лет, и после смерти Киевского митрополита Флавиана (Городецкого) – в ноябре 1915 г. Однако и в первом, и во втором случаях его кандидатуру отвергли. В первый раз поводом послужила пресловутая глухота архиепископа, хотя дело, думается, было в том, что Сергей в глазах самодержца был еще недостаточно понятной фигурой: соратник нелюбимого после 1905 г. митрополита Антония, хотя и лояльный, но всегда при своем мнении, к тому же по меркам того времени относительно молод для руководства столичной кафедрой – всего 45 лет!

Второй раз повод был куда серьезней, причем настолько, что вопрос о белом клобуке мог рассматриваться лишь как сугубо теоретический. В новых обстоятельствах проблема заключалась в отношении к Распутину и его ставленникам. О том, как развивались (и развивались ли) контакты будущего Патриарха русской Церкви и пресловутого «старца», нам известно крайне мало. Вероятнее всего, Сергей отшатнулся от «отца» Григория сразу же после скандальных разоблачений, прозвучавших в адрес последнего, т. е. приблизительно между 1910 и 1912 гг. Архиепископ, видимо, понял, что связь с «собинным царским другом» дискредитирует не только его лично, но и Церковь. Впрочем, не вполне ясно, почему такой тонкий человек, каким, несомненно, был Владыка Сергей, мог столь долгое время игнорировать обвинения, выдвигаемые против «старца» – например, дело о принадлежности гр. Распутина к мистической секте хлыстов, утвержденное Tobольским епископом Антонием (Каржавиным) еще в мае 1908 г.?! Это тем более интересно, что Владыка знал Распутина с 1903 г. Ответа на заданный вопрос у меня нет.

Ясно только одно: именно антираспутинские настроения этого «баловня судьбы» в итоге и создали у царской четы негативное к нему отношение. Стремление «нравиться» не смогло перевесить на весах голос его совести, и годы, потраченные на укрепление собственных позиций в церковной администрации, оказались в конце концов потерянными напрасно. В течение Первой мировой войны архиепископ Сергей откровенно выступал против распутинского ставленника, малограмотного и наглого Tobольского архиерея Варнавы (Накропина), сама принадлежность которого к епископской «корпорации» оскорбляла эту последнюю; против его самочинных действий, связанных с канонизацией митрополита Иоанна Максимовича. 8 сентября 1915 г. Императрица писала мужу, как, Сергей вместе с архиепископами Агафангелом (Преображенским) и Никоном (Рождественским) «в течение 3-х часов нападали на В.[арнаву] по поводу нашего Друга¹⁸» (т. е. гр. Распутина – С.Ф.). На следующий день в обстоятельном письме Александра Феодоровна вновь вспомнила о «деле» Варнавы, порекомендовав Николаю II «послать на покой» Агафангела и заменить его (в качестве Ярославского архиерея) «Сергием Финляндским, который должен покинуть Синод»¹⁹.

Впрочем, призывы Императрицы не увенчались успехом: Сергей остался на своем месте. О нем вспомнили лишь уже в ноябре 1915 г., когда освободилась Киевская кафедра. Именно тогда его имя вновь появилось в переписке последней царской четы. На Украину, как известно, перевели тогда Петроградского митрополита Владимира (Богоявленского), назначив в столицу Экзарха Грузии Питирима (Окнова). В связи с произошедшими изменениями Императрица опасалась возможного назначения в Грузию (на четвертую по значимости кафедру) ненавиди-

¹⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. М., Пг., 1923. Т. III. С. 320.

¹⁹ Там же. С. 325.

мых ею архиереев. «Только не С.[ергий] Ф.[инляндский], или А.[нтоний] В.[олынский], или Гермоген! [Долганев, бывший Саратовский епископ, наиболее активный враг Гр. Распутина – С.Ф.], – писала она. – Они бы все испортили там своим *духом*...»²⁰

²⁰ Там же. С. 450.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.